

ИЦХАК АРАД

Бригадный Генерал Армии обороны Израиля

ПАРТИЗАН

От долины смерти до горы Сион
1939 - 1948

A black and white illustration on a red background. A hand is shown holding a rifle, with the barrel pointing upwards and to the left. The hand and rifle are positioned behind three horizontal strands of barbed wire that stretch across the frame. The style is graphic and somber.

Издательство «Книга-Сефер»
Израиль
2014

Ицхак Арад

**Партизан. От долины смерти
до горы Сион. 1939–1948**

«Книга-Сэфер»

Арад И.

Партизан. От долины смерти до горы Сион. 1939–1948 /
И. Арад — «Книга-Сэфер»,

Ицхак Арад – легендарный советский партизан Второй мировой Войны, Бригадный генерал Армии обороны Израиля, в течение 20 лет руководитель мемориала Яд-ва-Шем, писатель, солдат, мыслитель... Книга «Партизан» была в основном написана «по горячим следам», молодым бойцом молодого Государства. Изданная на английском языке в 70-е годы, книга тревожным эхом откликнулась в 2000-е. Тогда новые литовские власти пытались судить Ицхака Арада за «геноцид литовского народа». Так они называли акты возмездия, когда чудом вырвавшиеся из гетто, видевшие уничтожение своих близких юноши и девушки мстили палачам своего народа... С завершение Второй мировой война для Ицхака Арада не закончилась, он принимал участие во всех войнах, в которых Израиль отстаивал право быть государством своего народа. «И мой долг рассказать молодому поколению о событиях, которые вершились перед моими глазами, и людях, которые в них участвовали. Для молодого поколения это история, для меня – реальность. Все рассказанное в этой книге, является лишь небольшой частью судьбоносных событий истории нашего народа, но настоящее возводится на фундаменте прошлого, и молодое поколение должно его знать во имя будущего».

Содержание

«Что такое фашизм? Это ненависть к другим»	6
И тогда я снял с шапки звезду и ушел...	7
Конфликт с Литвой	9
Я хотел, чтобы звучали имена детей	10
Предисловие автора	12
1. В осажденной Варшаве – сентябрь 1939	13
2. Под властью германии: октябрь – декабрь 1939	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ицхак Арад Партизан

Ицхак Арад. Бригадный Генерал Армии обороны Израиля

Партизан. /Юность в борьбе/. От долины смерти до горы Сион. 1939 – 1948

Издательство «Книга-Сефер»
Израиль
2014

Перевод с иврита – Эфраим Баух

Редактор – Виталий Кабаков
Предисловие – Алла Борисова
Оформление – Соня Кабакова

Фотографии и иллюстрации предоставлены автором из личного архива.

«Что такое фашизм? Это ненависть к другим»

Мы встретились с Ицхаком Арадом (в прошлом Ицхак Рудницкий), бригадным генералом Армии обороны Израиля, а еще историком, на протяжении двадцати лет директором музея Катастрофы и Героизма «Яд Вашем» по поводу скорого выхода в свет его книги на русском языке в переводе Эфраима Бауха. Воспоминания были им написаны еще в юности, но издавались только в США на английском. Теперь книга «Партизан» издана издательством «Книга-Сефер» и доступна в электронном виде. Это поразительное свидетельство человека, прошедшего ужасы Второй мировой: жизнь в гетто; борьба с фашистами в составе советского партизанского отряда, за что он получил драгоценную для него медаль и вывез ее потом в буханке хлеба; долгий путь по Европе в сторону Палестины; наконец, военные будни в Израиле.

Ицхаку (в партизанском отряде ему дали имя Толька) 88 лет, он вполне бодр, о юности вспоминает охотно, хотя юность эта проходила на историческом фоне страшной, кровавой войны. Но юность есть юность.

И тогда я снял с шапки звезду и ушел...

– Ваша книга «Партизан» – это довольно тяжелое чтение. Вы прошли так много – начиная с польского гетто и заканчивая партизанским отрядом... И потом, в Израиле, снова война. Иногда возникает чувство – а можно ли все это выдержать и остаться при этом человеком?

– Знаете, я сейчас смотрю на это иначе. Это была моя юность – и в гетто, и в лесах...

Но сначала – под немецкими бомбардировками. В первый же день войны я был уже под немецкой бомбардировкой в Варшаве. Потом бежал в свой родной городок Свиняны (дистрикт Вильно, сейчас это Литва), куда потом тоже пришли немцы. И я воевал до конца апреля 45 года. Когда Берлин пал, я решил, что долг перед советской Родиной я полностью отдал. Дома, в семье я получил еврейское воспитание, и у меня всегда была эта мечта – война кончится, я приеду в Палестину. И тогда в апреле 1945 я снял красную звезду с шапки и ушел.

Во время Второй мировой я потерял большую семью, родители погибли в гетто... У нас была большая еврейская семья, как это обычно было в местечках. Нас было 40 человек, выжили только я и сестра. И двоюродный брат, который воевал со мной и умер несколько лет тому назад...

– Вы хорошо знаете, что такое фашизм и кто такие фашисты. Сейчас этими словами бросаются в новых военных столкновениях, часто не понимая их значения. Как бы вы определили, что означает фашизм? Что это для вас?

– Знаете, ведь сегодня ни одна партия в мире так себя не называет. Но это существует. Думаю, любой крайний национализм можно так назвать. Так я считаю. Это ненависть к другим. К другой религии, другому цвету кожи, другому языку. Ненависть и агрессия. В осознании своей национальности, конечно, нет ничего плохого, наоборот... Я же говорю о крайних проявлениях.

– Когда Германия наступала, что думали евреи? До какой степени они понимали в Польше, Украине, Белоруссии, Литве... весь ужас своего положения?

– Понимали, но говорили себе, что будут терпеть. Они ведь не предполагали, что произойдет тотальное уничтожение. Я много этим занимался уже как историк. 29 сентября 1941 года в Киеве, когда всем евреям было сказано прийти в определенное место, они ведь и тогда ничего не поняли. Поняли только, когда уже стояли перед рвом, когда в них стреляли. Я делал большое исследование о лагерях смерти. Когда произошла депортация из Польши – 350 тысяч евреев отправили в Трешлинку – они думали, что их отправляют на работу. Известно, что в лагере им сказали, что они пройдут через баню. Это были газовые камеры. Только там, в этих «банных» они осознали, что впереди смерть. И так было везде.

Когда собрали всех евреев из моего местечка и окрестных сел, им сказали, что ведут в гетто, в лагерь. И повели на полигон. Там расстреляли 8 тысяч взрослых и детей. Я убежал раньше, в Белоруссию, где еще не было гетто. Но даже когда свинчане уже понимали, что их могут уничтожить... Что им было делать? Куда бежать? Ты живешь, работаешь... Я тогда был молодым 16-летним парнем, без родителей (семья осталась в Варшаве), я нашел (украд у немцев) оружие и убежал в леса... А если бы у меня была семья, дети? Да, я могу уйти к партизанам, но семью тут же расстреляют! Так что в этом случае героизм: остаться или бежать в

леса? Кроме того, местное население тоже было настроено по-разному, скрывающихся евреев часто передавали немцам.

Знаете, некоторые выжили и в конце войны начали возвращаться в местечко... На них смотрели недоброжелательно. Их дома, их имущество было поделено.

В лесах тоже не так просто было выжить. Местные крестьяне знали, где мы скрывались. И нужны были продукты, мы брали их у крестьян. Если они были против – выдавали нас немцам. Тут еще был такой момент: советские партизаны были готовы принять евреев в свои ряды, но только с оружием, таково было условие. И еще в лесах скрывались и бойцы УПА, и белополяки. Они убивали евреев в лесах. Выжить могли лишь те, кому удавалось попасть в партизанские советские отряды. То есть у евреев почти не было выхода. Либо немцы, либо местные жители...

Продукты у крестьян брали и немцы, и партизаны... Брали с оружием, так просто крестьяне ничего не давали. А что было делать?

– Вы получили медаль «Партизану Отечественной войны», ту самую, которую вывозили потом в буханке хлеба. За что вам ее вручили?

– Я участвовал в подрыве 16 немецких эшелонов. Все снабжение немецких войск шло по железным дорогам, других путей практически не было. Наше дело было – минировать линию снабжения ленинградского фронта. Зимой мы заходили в хутора на день, а ночью ходили минировать дорогу. А там снег, по следам можно было понять, куда мы отступали... Многие погибли. Мой двоюродный брат погиб в боях.

Конфликт с Литвой

– В 2007 году, когда вам было 81, на вас было заведено дело литовской прокуратурой. Вас обвиняли в грабежах, поджогах, в том, что вы стали сотрудником НКВД, участвовали в убийствах литовцев. Потом дело было закрыто.

– Я историк. Когда Литва получила независимость, они захотели войти в НАТО, в Евро-союз. Но все понимали, что в Литве было большое число коллаборационистов, надо было исследовать все это. И сформировали международную комиссию ученых, историков – там были немцы, русские, литовцы... И обратились ко мне, чтобы я стал членом комиссии. Я думал, что они хотели объективности. Комиссию тогда разделили на две части – одна занималась немецкой оккупацией, другая – советской. Да, они признавали, что в Вильнюсе и в Каунасе были роты литовцев, которые расстреливали евреев. Но ведь дело не только в тех, кто стрелял. Там были сформированы полицейские батальоны, 10 из них участвовали в акциях, забирали евреев из домов, охраняли гетто. Они не стреляли, но участвовали... Это десятки тысяч людей.

И возник конфликт, причем и немецкие, и американские историки были на моей стороне. И комиссия могла сделать такое заключение, которое не понравилось бы Литве... В один прекрасный день вышла газета со моей фотографией, а на руках была нарисована кровь. Я тогда был экспертом на нескольких судебных процессах, где обвинялись немецкие чиновники, действовавшие тогда в Литве. И вот меня, на основе моих собственных воспоминаний, опубликованных в США, обвинили в том, что я ушел в леса, якобы пошел в группу НКВД воевать... Это неправда, никакого НКВД в нашей группе не было. Они заявили, что я – грабитель (мы брали продукты в деревнях), убийца, сжигал деревни и т. д. Один из бывших полицаяв был во время войны расстрелян партизанами, я этого не знал, но обвинили опять же меня.

Комиссия перестала работать... Вмешалось израильское правительство. Дело это было прекращено, так как доказательств никаких не было.

Знаете, в Литве ведь считают, что было два Холокоста: еврейский Холокост, в котором виноваты немцы и несколько сотен литовцев, и Красный Холокост, в котором виноваты «жидо-большевики».

Конечно, я далек от коммунизма, но в этой идеологии все-таки не было поголовного истребления.

– Ну, это спорно. Просто сталинские деяния полностью не были расследованы и осуждены...

– Я убежден, что Сталин виноват в смертях миллионов людей. Но не было этого в коммунистической идеологии... Не было.

Я хотел, чтобы звучали имена детей

– Вы участник всех войн в Израиле. Как началась ваша военная карьера?

– Да, я же был в Пальмахе. Но сначала надо было дойти... Мой путь нелегала шел через всю Европу до Италии, и потом на маленьком корабле мы приплыли сюда. В день, когда англичане праздновали и были пьяны, мы тайно сошли на берег. И потом... 25 лет войн. В Пальмахе я был летчиком, мы летали, это были будущие израильские военные силы. Когда уже давали звания, я получил звание капитана, а закончил здесь службу, как бригадный генерал.

1948 год – война за независимость, потом 1956 год, потом 1967, потом 1970-й... Я ушел из армии в 1972 году... И даже когда уже работал в «Яд Вашем», участвовал в войне Судного Дня

– Кроме идеологии синоизма, что вами двигало? Вы участвовали в военных операциях. Как объясняли себе цели борьбы?

– Я вам скажу. Однажды мы с другими участниками курса подрывного дела ехали в Тель-Авив. Проезжали город Ришон-ле Цион и увидели, что вся улица танцует... Что случилось? Оказывается, ООН признала государство Израиль. Мы были счастливы. Но в этот день, когда мы были готовы на раздел страны, на очень многое, уже начали убивать евреев. И началась война. И до сегодняшнего дня они не хотят признать, что здесь, на Ближнем Востоке есть страна Израиль. Независимо от границ. Я не стаю на крайних позициях, я в Израиле отношу себя к левому лагерю. То есть я считаю, что нужно разделить землю на два государства. Мы же хотели жить в маленькой стране и были готовы сначала идти на компромисс. Но... Они не согласятся на конец конфликта. А я чувствую, что без Израиля у еврейского народа нет будущего. Я же хочу, чтобы этот народ был. И хорошо помню июньский день 1967 года, наступление на Иерусалим. Я тогда был вместе с теми парашютистами, которые вошли в город. Утром уже был у Стены Плача и слушал молитву главного раввина армии. Никогда не забуду этот день.

– Как в вашей жизни появился «Яд Вашем»?

– В Израиле я затем служил в танковых войсках, в армии закончил среднюю школу, потом меня послали в университет, где я получил степени ВА и МА. Знаете, в израильской армии нет политического отдела, но я тогда был главным офицером просвещения. Газеты, образование, воспитание... всем этим я занимался. В 1972 году меня пригласил заместитель премьер-министра Игаль Алон, министр культуры и просвещения. В Израиле уже был принят закон об увековечении памяти жертв Катастрофы, объявлении Дня Памяти и создания специального мемориала. Однако «Яд Вашем» был основан только в 1972 году. Игаль Алон сказал: «Я хочу, чтобы ты был председателем «Яд Вашем». Я тогда был начальником штаба Дивизии, сказал, что подумаю. Я ведь сам пережил Катастрофу, мой долг перед обороной Израиля был выполнен, я воевал в трех войнах...

Мне казалось важным работать в национальном институте памяти Холокоста и героизма, который занимается исследованиями, архивами. И я согласился. 21 год я там проработал.

– Что вам удалось сделать за это время? Если вспоминать о самом главном?

– Главное – нам удалось открыть советские архивы. Еще тогда, когда не было дипломатических отношений, но уже началась гласность, к нам приехал заместитель председателя комитета защиты мира. Он был бывшим генералом НКВД. Я сказал ему, что мы все видим: в мире неонацисты поднимают голову и надо бороться против этого. Но ваши архивы закрыты... Тогда он пригласил меня в Москву, Минск, Одессу, Киев. И нам открыли архивы. Армейский архив в Подольске, архив партии... Удалось найти трофейные документы, вывезенные их Германии...

Я издал две книги по истории Катастрофы. Ученые работают, все время узнают что-то новое, находят новые документы.

– Детский мемориал в музее поражает всех, кто приезжает в Израиль... Как это было придумано?

– Да, это я сделал... А придумал, как именно будет выглядеть мемориал, известный архитектор Моше Савди. Я хотел сделать что-то в память об этих детях – ведь это полтора миллиона погибших детей... Я нашел пещеру, но идея, как это сделать была его. Только он предполагал, что там будет тихо. Я же хотел, чтобы обязательно звучали их имена. Это очень важно.

И еще для меня очень важна долина общин – в память о пяти тысяч еврейских общин, которые были уничтожены.

– Я поздравляю вас с тем, что вы выжили, прошли огромный и опасный путь... У вас большая семья?

– Да, женился еще в 1948... Трое детей, 11 внуков, пять правнуков... Внук – офицер, и вот внучка недавно пошла в армию. Все хорошо.

...И «Только», бригадный генерал Ицхак Арад садится за руль своей машины. Звонила жена. Ждет к ужину.

Алла Борисова

Предисловие автора

В нашем поколении, в течение всего лишь одного десятилетия, произошли два судьбоносных события, изменившие облик еврейского народа и ход его истории – Катастрофа и создание государства Израиль.

В страшной Катастрофе еврейский народ был поставлен на грань уничтожения. Истреблено было шесть миллионов наших братьев и сестер. Катастрофа привела к физическому и духовному уничтожению ядра мирового еврейства.

Созданием государства Израиль осуществились мечты и стремления двух тысяч лет – возвратиться в Сион и добиться независимости Израиля, была заложена основа нового центра мирового еврейства.

Катастрофа – самый глубокий разлом нашего народа, создание Израиля – сама большая победа в нашей истории. Несмотря на крайнюю разницу в этих двух событиях, и в их значении, произошли одно за другим, в связи и последовательности. Они представляют единую главу в исторической летописи нашего народа. Они входят одно в другое по смежности времени, по общественным и политическим факторам, которые повлияли на развитие событий и на решительное изменение еврейской реальности.

Невозможно осознать создание государства в 1948 году без глубокого понимания трагедии Катастрофы и ее влияния на то, что произошло сразу же после нее: стремление евреев, спасшихся из Катастрофы, отделить себя от волн гибели, и любыми способами добраться до безопасной гавани – страны Израиля.

Но и тут продолжалась борьба, и желание достичь безопасности и устойчивости в жизни все еще достигнуто не было. Еврейский анклав в стране Израиля боролся против английской власти за открытие ворот страны жертвам Катастрофы и создание еврейского государства, которое станет убежищем всем гонимым по миру евреям.

Решение ООН о создании еврейского государства, несомненно, было принято под влиянием трагедии Катастрофы и совместной борьбы тех, кто спасся из Катастрофы, и еврейского анклава в стране Израиля, которые подняли еврейский вопрос перед всем миром, требуя положительного разрешения проблемы.

Судьба распорядилась так, что мне пришлось участвовать в этих драматических событиях. Жизнь моя в эти годы прошла через гетто, затем в глубинах лесов – среди партизан, затем на тайных тропах нелегальной репатриации – с целью добраться до страны Израиля и влиться в ряды штурмовых отрядов – Пальмаха – в войну за Независимость.

Не я выбирал этот путь жизни, оставивший за моей спиной безымянные могилы моих родных, близких, друзей, боли, поразившей годы моей юности. Но если суждено мне было разделить судьбу моего народа, я бы не избрал иного пути жизни. И если бы у меня была возможность избрать иной путь – я бы снова избрал путь участника и свидетеля этих двух судьбоносных событий в нашей истории.

И мой долг рассказать молодому поколению о событиях, которые вершились перед моими глазами, и людях, которые в них участвовали. Для молодого поколения это история, для меня – реальность. Все рассказанное в этой книге, является лишь небольшой частью судьбоносных событий истории нашего народа, но настоящее возводится на фундаменте прошлого, и молодое поколение должно его знать во имя будущего.

1. В осажденной Варшаве – сентябрь 1939

На рассвете, в пятницу 1 сентября 1939, города Польши были разбужены сигналами сирен, сопровождаемых ревом немецких бомбардировщиков и градом бомб. В те же утренние часы 54 германские дивизии вторглись в Польшу. Наступление началось в одно и то же время – с севера, из восточной Пруссии, с запада – из Поможии и Силезии, и с юга – из Чехословакии, по фронту протяжением в 1750 километров. Ударной силой были 14 механизированных бронетанковых дивизий, при поддержке сотен пикирующих бомбардировщиков "Штуке". Против вторгнувшихся войск стояло тридцать польских пехотных дивизий и двенадцать кавалерийских бригад, из которых лишь одна была механизированной.

За несколько часов до вторжения дикторы германских радиостанций передали драматическое сообщение о действиях поляков: "Подразделения польской армии пересекли границу Германии и захватили радиостанцию в Гляйвице, но были отброшены германской армией". Дикторы призывали правительство Рейха силой отреагировать на атаку польских войск. 31 августа, в 8 часов вечера, действительно слышна была стрельба около радиостанции в Гляйвице. Группа солдат в польской военной форме захватила радиостанцию и передала сообщение на польском языке, объявив войну Германии, и выразив уверенность в победе Польши. Но это была провокация немцев, совершенная солдатами "германской службы безопасности – СД", переодетыми в форму солдат польской армии, с целью дать повод германской пропагандистской машине – призвать к войне с Польшей. Это потрясшее всех сообщение было передано поздней ночью множеством мировых радиостанций, но к утру утонуло в потоке сообщений о вторжении германской армии в Польшу со всех границ. Жители Польши, исключая работников газет и радио, дежуривших в ночные часы, не знали ни о провокации в Гляйвице, не слышали призывов к войне дикторов германского радио. Они провели последнюю спокойную ночь перед бурей.

Невероятный шум разбудил меня утром первого дня войны. Не прошло и нескольких минут, как я уже был на улице Дзейлена, на которой жил, одной из улиц еврейского района Варшавы, заполненной людьми. В разных местах толпились люди и взволнованно обменивались мнениями о происходящем. Я был оттеснен к одной из таких групп. В ней все говорили одновременно. Но я, все же, наконец-то, понял, что грянула война. В центре группы стоял коренастый мужчина и с большим подъемом говорил о скором конце Гитлера и нацистской Германии. Он объяснял, размахивая руками, что польская армия сильна. Она сдержит германских агрессоров, пока Англия и Франция не проведут мобилизацию своих армий и просто раздавят Германию. Другой человек вмешался в разговор и сказал, что Польша не будет второй Чехословакией, которая была предана в Мюнхене и сдалась без боя. Общее настроение в группе было оптимистичным. На улице Заменгоф я увидел длинные очереди в продовольственные магазины. Люди раскупали всё, что в них было.

Я побежал домой, чтобы рассказать родителям о том, что началась война, но эта весть уже дошла до них. Мать Хая и сестра Рахиль уже ушли и присоединились к очереди за продовольствием. Отец мой, Израиль-Моше, вернулся через несколько минут с утренней молитвы в синагоге "Мория" (в нашем доме номер 7 по улице Дзейлена), где был кантором. Он уже тоже знал о войне, и мне хорошо запомнились его слова, полные тревоги: "Ициле, – сказал он мне, – когда я был в твоём возрасте, грянула Первая мировая война. Я был тогда в городке Свинцяне, около Вильно. И там без конца сменялась власть, войска – русские, немцы, поляки, большевики, литовцы, и снова поляки. Эти смены властей приносили много ужасов, и главными жертвами были мы, евреи. Каждая сторона видела в нас врагов. Одна надежда, что судьба наша в этой войне будет лучше, но я сильно сомневаюсь". Эти слова отца охладили немного мое возбуждение по поводу грянувшей войны, но все же я думал, что, быть может, он преуве-

личил опасность. В детстве я слышал рассказы моих родителей о Первой мировой войне, и в глубине души мечтал пережить нечто подобное.

Жители города были призваны рыть окопы для защиты от воздушных налетов. После обеда я пошел с отцом парк Красинского, недалеко от нашего дома, там рыли окопы. Я присоединился к сотням людей, евреям и полякам, которые работали в поте лица. Для меня эта работа была нелегкой. Впервые в жизни я занимался физическим трудом столько часов подряд. Я весь вспотел, ладони покрылись волдырями, хотел прекратить работу, и посмотрел на отца. Он тоже не был привычен к физическому труду. Видно было, что работа дается ему с трудом и большими усилиями. Мне было стыдно, и я продолжал рытье. Люди работали напряженно, с воодушевлением, поляки и евреи, один подле другого. В эти минуты мне казалось, что стенка, стоящая между евреями и поляками, антисемитизм, от которого мы страдали, частые драки с молодыми поляками, всё это скрылось за брустверами окопов, вырытых общими усилиями. Работа длилась до наступления сумерек: были вырыты сотни метров окопов, глубиной в два метра. Окопы эти змеились и меняли направление через каждые пять метров.

В эту субботнюю ночь, завершившую первый день войны, синагога "Мория" была полна молящимися евреями. Пение моего отца в этот вечер говорило мне намного больше, чем это было раньше. Это был последний раз, когда синагога была забита народом. На следующий день, в субботу, были четыре сигнала воздушной тревоги, и германские самолеты бомбили разные районы города. Выяснилось, что из-за частых налетов и отдаленности окопов в парке Красинского, мы не сможем успеть добраться туда в час опасности, и следует подготовить убежище поближе. Общими усилиями жильцов нашего дома мы привели в порядок подвал, превратили его в убежище, где и скрывались в ближайшие недели. Убрали с чердака вещи, которые там накопились за многие годы, чтобы уменьшить легко возгораемый материал, опасность пожара, если в дом попадет зажигательная бомба.

В понедельник, 3 сентября, должен был начаться учебный год, но из-за создавшегося положения, это открытие было отложено. Я не был сильно этим огорчен. В этот же день Англия и Франция объявили войну Германии, выполнив свои обещания в отношении Польши, не разочаровав, как они сделали в отношении Чехословакии. Мы очень радовались, услышав это сообщение, но радость наша сильно поубавилась в последующие дни с приходом новостей с фронта.

Сообщения о продвижении германских войск дошли до нас уже в первые дни войны. Польское радио передавало явно туманные и обрывочные сообщения о происходящем на фронте, но люди слушали передачи германских радиостанций, восхвалявших неслыханные победы германской армии, захваты, десятки тысяч пленных, огромные трофеи. Усиление бомбардировок немецкой авиацией Варшавы, множество жертв и разрушений, отсутствие самолетов польской военной авиации в воздухе, усилили отчаяние и чувство беспомощности. Но, несмотря на это, господствовало мнение, что продвижение немцев временно и является результатом внезапности нападения. С завершением всеобщей мобилизации, объявленной в Польше с началом войны, вступлением войск Британии и Франции в войну против Германии ход войны изменится к лучшему. Но этот оптимистический прогноз не оправдался.

С 3 по 7 сентября постепенно стало выясняться, что польская армия терпит поражение по всем фронтам и германские бронетанковые колонны продвигаются со всех сторон. Польская армия не была готова к этой войне. Пехотные дивизии и кавалерийские эскадроны не могли устоять против танков. Польская военная авиация большей частью была уничтожена на земле в первые дни войны, и германский военно-воздушный флот безраздельно господствовал в небе. Кроме численности и выучки германской армии, поражение польской армии нанесла ее оперативная стратегия, базировавшаяся на устаревших принципах Первой мировой войны, в то время, как германская стратегия внезапного нападения – "блицкрига" – была основана бронетанковой мощи и сильном военно-воздушном флоте. Согласно старой стратегии 1914–1918 годов, польская армия не создала линию оборонительных укреплений, а плоские равнины

Польша служила идеальным пространством для продвижения танков. Несмотря на мужество и жертвенность, польская армия оказалась легкой добычей для германских танков и самолетов.

В течение считанных дней германские танковые армии сумели вторгнуться в Польшу, взяли в гигантские клещи с севера и юго-запада огромные территории, и приблизились к Варшаве, постепенно осадив ее со всех сторон. 6 сентября нам стала ясной величина поражения. В этот день в панике эвакуировались государственные учреждения, и польское правительство сбежало из столицы под покровом ночи. В прощальном обращении по радио глава польского правительства сказал, что "из-за опасности, грозящей Варшаве, правительство вынуждено оставить столицу, но полно решимости вернуться в нее после окончательной победы в войне". Также и генеральный штаб во главе с начальником генштаба Шмигли-Ридезом сбежали из Варшавы на восток. 7 сентября, вечером, радио Варшавы призвало всех мужчин, способных носить оружие, уйти из города на восток и влиться там, в ряды армии. Мы были потрясены этим сообщением, отчаяние и страх охватили всех.

Множество мужчин, главным образом, евреев, с семьями начали покидать город. Все полагали, что на востоке Польши будет остановлено наступление немцев. У людей не было никакого транспорта, все двигались пешком. По улицам города шагали тысячи людей, в одиночку и группами, с рюкзаками за спинами и портфелями в руках, и все шли на восток. Это бегство длилось днем и ночью, под частый аккомпанемент сирен воздушной тревоги. Я прислушивался к колебаниям родителей, оставлять ли имущество и добираться до Свиняны, где живут наши родственники. Я, конечно же, хотел, чтобы мы сбежали в этот городок от бомбежек и всей суматохи, бушующей вокруг нас, в городок, выглядящий в эти дни, по сравнению с Варшавой, спокойным и тихим местом. Моя сестра Рахиль требовала от родителей немедленно уходить. Решение было нелегким. Шанс вырваться из города пешком перед тем, как немцы перекроют все выходы, был весьма слабым, и нелегко оставить дом, который создавался тяжелым трудом столько лет. Но пока колебались – оставаться или уходить – немцы закрыли все дороги из Варшавы.

8 сентября Варшава превратилась в осажденный город. Между драматическим призывом радио Варшавы покинуть город и окончательным его окружением прошли сутки. В это столько короткое время десятки тысяч евреев все же успели вырваться из города, но сотни тысяч остались. Среди покинувших были многие из руководителей польского еврейства, главы организаций и еврейской общины, а также многие из членов и инструкторов молодежных сионистских движений. До закрытия города в нем собрались десятки тысяч еврейских беженцев из дальних и ближних городков, окружающих Варшаву, сбежавших от немецких оккупантов и разрухи, нанесенной налетами германской авиации. Я видел этих людей, движущихся по улицам, целые семьи, частью на телегах, загруженных тюками, усталых, напуганных, отчаявшихся. Люди эти искали кров в городе, где господствовал хаос, в городе на грани полной разрухи и гибели.

Варшава в осаде, нет входа и нет выхода. Город превратился в крепость, и в нем – около миллиона граждан и, примерно, сто тысяч солдат, частью в виде боеспособных подразделений, частью разгромленных, понесших большие потери и разрозненной толпой добравшихся до столицы. Командующим войск, защищающих Варшаву, был назначен генерал Валериан Чума, но истинной душой защитников был мэр города Стефан Стажницкий, который возглавил гражданскую оборону после того, как правительство Польши сбежало из города. Жители города были призваны встать на его защиту, рыть окопы на подступах к Варшаве. Были созданы отряды гражданской самообороны, и молодые люди были призваны присоединиться к этим отрядам. Из тысяч добровольцев были отобраны лишь сотни из-за недостатка оружия. Жители должны были перекрывать улицы баррикадами и шлагбаумами, рыть перед ними противотанковые рвы поперек шоссе.

Я присоединился к группе в несколько десятков человек, строивших баррикаду на перекрестке улиц Дзейлена-Заменгоф. Там я встретил некоторых из моих сверстников, трина-

дцатилетних подростков. Из соседнего двора мы выкатили три телеги, перевернули поперек улицы. Извлекли камни из мостовой в местах, где намеревались рыть окопы, и нагромодили их на телеги. Жильцы ближайших домов притащили шкафы, кровати, старые вещи, извлеченные из подвалов. Грунт, который извлекли из противотанкового рва, послужил для укрепления баррикады. В разгар нашей работы слышался гул самолетов, и грохот взрывов, раздававшихся где-то рядом, сотряс всю окрестность. В течение считанных секунд улица опустела, и мы тоже нашли укрытие в соседнем доме. На этот раз ответственные за оборону не успели включить сирены. Зенитки, стоящие в парке Красинского открыли огонь. Спустя двадцать минут вернулась тишина, и мы продолжили свою работу.

Через несколько часов баррикада высотой в два с половиной метров была готова. Перед ней – противотанковый ров глубиной в два метра и шириной – в шесть метров. Справа от баррикады мы оставили узкий проход для прохожих. Я взобрался на баррикаду и оглядел улицу. Еще две баррикады были возведены на расстоянии двухсот-трехсот метров от нашей. В городе были построены сотни баррикад. Варшава превратилась в гигантское пространство сплошных противотанковых рвов и препятствий.

Жизнь в осажденном городе с каждым днем становилась все трудней и трудней. Налеты усилились. Самолеты врага бомбили город много раз в течение дня, и тысячи зажигательных и фугасных бомб беспрерывно падали на город. Система воздушной тревоги перестала работать. Мы не знали, когда прятаться в убежища и когда их покидать. Так как бомбежку можно было ожидать в любой миг, мы перешли жить в подвал, вместе с остальными жильцами дома. Скученность в сыром, пропахшем плесенью, подвале была невероятной. В одном из углов мы расстелили одеяла на холодном и влажном каменном полу, и угол этот превратился в место нашего проживания: там мы ели и спали все дни осады.

Молодые мужчины и женщины дежурили поочередно, находясь на поверхности даже во время бомбежек. Главная их цель была – обнаруживать зажигательные бомбы, которые были небольшими, величиной с консервную банку. На месте их падения видны были искры и дым. С обнаружением такой бомбы ее засыпали песком, и, таким образом, избегали пожара. Горы песка были насыпаны во дворе, на лестничных площадках и на чердаке дома. Мы, группа детей, присоединились к взрослым дежурным, и нередко первыми обнаруживали дым, поднимающийся с чердака или угла двора, и гасили бомбу. В дни осады на наш дом упало пятнадцать зажигательных бомб, и все мы обнаружили и погасили. Обнаружение бомб и их гашение превратилось для нас в некий вид спорта, и мы соревновались в том, кто первым обнаружит бомбу. Больше всего мы боялись фугасных бомб, которые приносили большой урон домам, погребали людей под обломками, но против этих бомб мы были беспомощны.

Ночью прекратились налеты и безмолвие смерти, опустилось на город, изредка прерываемое эхом пушечной стрельбы и шумом шагов патрулей по улице. Часы эти давали отдых напряженным до предела нервам, и люди выходили из подвалов, поднимались в свои квартиры, проверяли, что там произошло, и затем немного оставались на улице. Абсолютная тьма господствовала в осажденном городе: электроснабжение города было выведено из строя налетами, и запрещено было зажигать огонь, который можно был засечь снаружи.

Молитва в канун еврейского Нового года – Рош Ашана – в синагоге "Мория" была перенесена на более раннее время, чтобы завершить ее до наступления темноты. Молиться пришли многие из жителей округи. Укутанный в талес, мой отец открыл праздничную молитву. Вид синагоги не походил на прежние годы, когда он был полон молящихся, пылали сотни свечей, царило праздничное настроение. Теперь виднелись разбитые стекла в окнах, осколки стекла на полу, не было никакого освещения, людей было мало, и все они были охвачены страхом. Ощущалось какое-то единение десятков людей, которые использовали перерыв между налетами после полудня, и пришли на праздничную молитву в осажденном городе, в котором пылали пожары. Когда мы дошли до половины молитвы, слышался гул самолетов. Грохот мощных

взрывов доносился со всех сторон, главным образом, из северных районов города. Мой отец продолжал молитву, немного колеблясь, но люди в панике стали покидать синагогу. Я молился про себя, чтобы отец прекратил молитву. Я дрожал от страха, что в любой момент дом может обрушиться (Синагога была на втором этаже). Когда мы остались совсем одни, я потянул отца за талес, и дрожащим голосом попросил его прекратить молитву. Сестра Рахиль прибежала из подвала, и ее умоляющий голос повлиял на отца. Мы спустились в убежище.

В тот же день, за два часа до наступления темноты, был один из самых жестоких и продолжительных налетов на город, особенно, на северные его районы, где были сосредоточены наиболее густо заселенные еврейские кварталы. Казалось, что немцы пытались нанести им непоправимый ущерб именно в канун праздника Рош-Ашана. На следующее утро любопытство погнало меня наружу, чтобы увидеть город после налетов. Я сумел выскользнуть из-под надзора родителей, которые запретили мне покидать убежище, взобрался на чердак соседнего дома, который был намного выше нашего. Я видел столбы дыма над многими кварталами. В разных местах виднелись разрушенные дома. Я спустился и пошел в сторону улицы Налевски. На улице было много людей, несущих вещи, охваченных страхом и паникой. Это были те, кто спасся из разрушенных и горящих домов, и теперь искал укрытие для себя и своих детей. Вдалеке виднелись люди, несущие на носилках раненых в места, где собирали всех, получивших ранения. Убитых погребали в парках, превратившихся в кладбища. Несколько десятков людей занимались извлечением раненых и погибших из-под обломков.

Налеты на город усилились и участились, увеличивая разруху и число жертв, доходящих в течение дня до сотен, а то и тысяч. В середине сентября город начала обстреливать германская тяжелая артиллерия, работа разделилась между самолетами и орудиями: днем длились налеты, ночью – артиллерийские обстрелы. Кончился ночной покой, и круглые сутки мы находились под непрекращающимся огнем.

Но и этого было мало. Начался голод. Снабжение хлебом полностью прекратилось. Хозяева продуктовых магазинов не открывали их и прятали то немногое, что у них осталось. Продукты на черном рынке еще были, но цены на них взлетели до небес. Водоснабжение было нарушено бомбежками, и воду несли ведрами издалека. Этим занимались я и моя сестра Рахиль. С невероятным трудом добыла мать немного картофеля и соленой рыбы, и это было главной нашей пищей в дни осады. Жильцы подвала помогали друг другу, трудная жизнь сближала сердца. Воду кипятили сообща, из малого количества пищи давали немного и тем, кто ничего не сумел добыть. В первые дни войны люди еще надеялись, что обстановка изменится к лучшему: польская армия организует свои силы после отступления на восток, и с помощью Англии и Франции отгонит немцев, и даже прорвет осаду Варшавы. Все надеялись, что Германия будет вынуждена быстро вывести войска с польских территорий, чтобы сосредоточить их на западном фронте против наступления английских и французских войск. Но со временем надежды оказались напрасными, и всех охватило отчаяние. 17 сентября, к вечеру, распространились слухи, которые подтвердились в реальности спустя несколько часов: Красная армия пересекла восточную границу Польши. Вначале не было ясно, пришла ли Красная армия на помощь полякам, или это был акт раздела Польши между Германией и СССР. Когда выяснилось, что правительство Польши и генеральный штаб сбежали в Румынию, стало понятно, что действие Красной армии направлено против Польши. Мы еще не знали о пакте Молотова-Риббентропа, подписанном в Москве 23 августа 1939, по которому был установлен раздел Польши между Германией и СССР. С 17 по 19 сентября Красная армия овладела, без всякого сопротивления со стороны поляков, территориями Белоруссии и западной Украины, которые находились под властью Польши со времен окончания Первой мировой войны. Суверенная Польша прекратила свое существование. В самой Польше еще осталось несколько очагов сопротивления немцам. До своего бегства в Румынию командующий польскими войсками дал приказ всем польским подразделениям сопротивляться до конца.

Варшава продолжала сражаться, несмотря на то, что всякая надежда был потеряна. Налеты и артиллерийские обстрелы шли непрерывно, и потери в живой силе, имуществе и технике увеличивались с каждым днем. Немцы разбрасывали листовки по городу с призывом сдаваться. В разговорах взрослых в подвале слышалось возмущение тем, что правительство бросило народ на произвол судьбы, обрекло его на страдания и ненужное сопротивление. Возмущение это росло со дня на день, и патриотический подъем первых дней войны начисто исчез. Вместо него пришли горечь и отчаяние. 25–27 сентября стали самыми тяжелыми днями с начала войны. Германское командование решило поставить город на колени. В эти дни сотни самолетов непрерывно бомбили город, сотни артиллерийских стволов не знали отдыха в течение ночи, неся гибель и разруху. Целые районы были стерты с лица земли. Другие районы были охвачены пожарами, тысячи людей погребены под обломками. Фугасная бомба большой мощности и зажигательные бомбы обрушились на наш дом в последний день осады. В панике мы бежали из дома. Я нашел убежище напротив нашего дома, не знал, что случилось с родителями и сестрой. Страх за них не оставлял меня. Спустя несколько часов я вернулся к нашему дому. Нашел свою семью в целостности и сохранности. Восемь жильцов дома погибло, двенадцать было ранено.

Вечером, 27 сентября прекратились налеты, и безмолвие смерти сошло на город. Варшава сдалась. Среди еврейского населения распространились слухи, что Красная армия, находящаяся недалеко от восточного края города, войдет в Варшаву, но надежда эта испарилась, когда были расклеены листовки городской комендатуры, сообщающие о том, что Варшава сдалась немцам. В следующее утро тысячи людей вышли на улицы из подвалов, где смерть свирепствовала над их головами. Чувства, охватившие всех, были странными. С одной стороны, радость в связи с прекращением налетов и обстрелов, с другой, – страх перед тем, что предстоит нам, евреям под властью немцев. Германская армия еще не вошла в город. Я, моя сестра Рахиль, наши товарищи, вышли прогуляться. На улицах все еще бушевали сильнейшие пожары, люди ковырялись среди обломков домов, искали родных, близких, знакомых. На перекрестке улиц Заменгоф и Новолипской валялись трупы лошадей, погибших во время бомбежки, и некоторые из прохожих суетились около них и отрезали куски мяса. Над скелетами лошадей вились рои мух, стаи птиц. На площади Красинского польские солдаты складывали оружие. Я видел со стороны, как приходили сотни солдат и офицеров, и куча складываемого оружия росла на глазах. Я видел солдат и офицеров, которые смахивали с лица слезы, прощаясь с оружием. Вдруг к этой груде оружия подошли двое граждан выхватили оттуда пистолеты и скрылись в ближайшем переулке. Искры подпольного сопротивления германским оккупантам вспыхнули уже в первый день сдачи Варшавы.

Четверть домов города было разрушено, пятьдесят тысяч жителей погибло, и было ранено. Сотни тысяч осталось без крыши над головой. Германская армия вошла в город 30 сентября. Варшава была оккупирована немцами.

2. Под властью германии: октябрь – декабрь 1939

В первые же дни оккупации мы почувствовали то, что ожидает евреев под властью нацистов. В целях пропаганды германская армия раздавала продукты голодному населению. Грузовики и полевые кухни стояли в центральных местах города, и с них давали хлеб и суп. К ним выстроились длинные очереди. Но когда приближались к раздаче евреи, простаивающие долгие часы в очереди, германские солдаты их изгоняли. В местах раздачи, рядом с германскими солдатами стояли поляки и указывали на евреев. Я был этому свидетелем, ибо сам стоял в очереди за хлебом на улице Лешни. К счастью, ни немцы, ни поляки, помогавшие им, не признали во мне еврея, и я вернулся домой с буханкой хлеба.

Германские солдаты и офицеры нашли оригинальный способ издевательств над евреями, особенно обладателями бороды и пейс, и одетых в "капоты", на которых немцы впервые наткнулись в Польше. Вооруженные ножницами, они разъезжали по улицам, задерживали евреев с бородами, и срезали их наполовину, а также одну из пейс, часть волос с головы – в любой форме, на которую способно было их дикое воображение. Иногда они выдергивали и выщипывали бороды. Эти "процедуры" срезания и выдергивания обычно сопровождалось избиением. Евреи с бородами и пейсами старались не выходить на улицу. Были евреи, которые, во избежание этих издевательств, сами срезали у себя бороды и пейсы и надевали обычные одежды. В один из октябрьских дней я видел шесть старых евреев, тащивших из последних сил телегу, в которой сидели два германских солдата и подгоняли стариков, требуя от них двигаться быстрее.

Германские солдаты ворвались однажды утром в синагогу "Мория", выгнали молящихся в талесах и филактериях, и приказали им плясать посреди улицы. Из окна я смотрел на пляшущих евреев. Не было предела издевательствам немцев над евреями. В те дни это казалось нам пределом зла. Мы и представить себе не могли, что это лишь начало.

Имущество и сбережения евреев были брошены на разграбление. Вначале отдельные солдаты хватали евреев на улицах, или входили в их дома и забирали деньги и драгоценности. Из дня в день грабеж расширялся. Немцы приезжали на грузовиках к еврейским магазинам и мастерским и забирали все товары. Так они очистили мастерские по шерстяным и кожаным изделиям на улицах Генше, Налевки, Францисканской. Целые улицы внезапно перекрывались, немецкие солдаты шли из дома в дом, из магазина в магазин, забирали деньги, золото, драгоценности, меха. Евреи не знали, берут ли немцы все это себе, или конфискуют от имени властей. В середине октября был опубликован приказ, разрешающий евреям держать лишь две тысячи злотых, а все остальные деньги внести в банки. В то же время все счета евреев были заморожены. Они имели право снимать со счета не более 250 злотых в неделю. Все эти запреты потрясли евреев, большинство из которых и так осталось без работы и заработков.

Немцы стали хватать евреев на улицах и заставлять их разбирать развалины, убирать улицы, дома, уборные и мусорные свалки. Большинство этих работ они делали без всякого рабочего инструмента, да еще подвергались избиениям и издевательствам. Выходить мужчинам на улицы было по-настоящему опасно. Однажды мой отец вышел утром рано и вернулся поздно вечером, усталым и подавленным. Весь этот день мы испытывали страх за его судьбу. Отец рассказал, что недалеко от дома его схватили немецкие солдаты и послали вместе с двумя десятками евреев убирать развалины. С тех пор отец не выходил на улицу, и я, которого не хватали из-за моего малого возраста, ходил по разным делам, приносил из дальних мест воду. В начале октября немцы назначили "юденрат" – еврейское самоуправление, как официальное представительство евреев Варшавы, включающее 24 члена. "Юденрат" попросил власть воздержаться от захвата евреев на улицах. "Юденрат" возглавил Адам Черняков,

который во время осады исполнял должность председателя еврейской общины города после того, как прежний глава общины покинул Варшаву. Черняков предложил властям посылать каждый день на работу 500 евреев, но не хватать их на улицах. Немцы согласились. "Юденрат" создал "рабочий батальон", который выполнял все требования немцев. Добровольцы получали от "юденрата" мизерную оплату. Но, вопреки всему этому, на улицах продолжали хватать евреев. Один отдел городской власти обещал не хватать на улицах, другой продолжал это делать. Это было результатом разmultiplication различных отделов германского городского управления: армии, эс-эс, уполномоченных оккупационных областей по экономическому использованию Польши.

26 октября опубликовано было сообщение о завершении военного режима по всей оккупированной территории Польши, и замены его гражданской властью. Районы центральной Польши, включая большие города – Варшаву, Люблин и Краков – были определены как единое государственное объединение – генерал-губернаторство. Ветеран нацистской партии Ганс Франк был назначен верховным наместником с правительственной резиденцией в Кракове, а не в Варшаве, столице Польши. Западные области Польши, включающие польскую Поможу, Силезию и район Лодзи, были аннексированы Германией и стали частью "рейха".

Спустя несколько дней, после создания генерал-губернаторства, "юденрату" было приказано произвести перепись еврейского населения Варшавы, что и было сделано в последние дни октября: в городе проживало 360 тысяч евреев. Перепись вызвала большую тревогу и страх среди евреев, ибо цель это акции была неизвестна.

Из аннексированных Германией областей началось изгнание и насильственное переселение евреев в район генерал-губернаторства. В Варшаву прибыли десятки тысяч еврейских беженцев с небольшим скарбом, ибо главное их имущество было оставлено на прежнем месте. Положение их – без жилья и средств на жизнь – было очень тяжелым. Кое-какую помощь давал им "юденрат". Лишенные всего, смотрели беженцы с завистью на евреев Варшавы, все еще проживающих в своих домах.

Гестаповец, штандартенфюрер Эс-Эс доктор Рудольф Бац, сообщил Чернякову 4 декабря, что все евреи Варшавы будут сосредоточены в одном районе, где будет создано гетто. Это сообщение мгновенно разнеслось по всей еврейской общине Варшавы, и люди начали покидать свои дома со всем своим имуществом и переходить в тот район, который, по слухам, и должен был быть превращен в гетто. И в наш дом, который соседствовал с предполагаемым районом гетто, начали приходить знакомые из других районов с просьбами гарантировать им жилье у нас. Паника, связанная с гетто, длилась несколько дней, пока "юденрат" не объявил, что создание гетто откладывается на неограниченный срок.

Декрет о гетто был отменен после встречи Чернякова и нескольких членов "юденрата" с военным комендантом Варшавы генералом Нойманом-Нойруде. Черняков опротестовал приказ штандартенфюрера Баца о создании гетто, указав на трудности, которые это принесет населению Варшавы. Нойман-Нойруде отменил этот приказ, и евреи Варшавы получили отсрочку на целый год, пока не были переведены в гетто в ноябре 1940 года.

В начале ноября я праздновал свое совершеннолетие – бар-мицва. Готовиться к чтению "гафтары" – заключительной молитвы недельного чтения Торы, и толкования я начал еще до начала войны. Спустя несколько дней после прихода немцев в город, в разгар издевательств над евреями на улицах, отец объявил мне, что я должен возобновить подготовку к церемонии. Я предложил мое "восхождение к Торе" сделать без чтения комментария, но отец твердо стоял на том, что в любых условиях мы будем придерживаться традиций Израиля и проведем церемонию совершеннолетия. В одну из суббот начала ноября я "взошел к Торе". В синагоге собралось немного евреев, моя мать сидела в женской половине. Во время чтения "гафтары" мы услышали шум мотора автомашины, остановившейся недалеко от синагоги и голоса немцев. Я прекратил чтение, и безмолвие воцарилось в синагоге. Мы боялись, что сейчас ворвутся сюда

германские солдаты и начнут издеваться над нами, как это часто случалось в последнее время. Через несколько минут снова послышалось урчание мотора, и машина начала удаляться. Мы вздохнули с облегчением и продолжили чтение. Церемония закончилась благополучно.

В один из дней конца ноября всех нас потряс трагический случай, происшедший недалеко от нашего дома. Еврей, человек "преступного мира", убил польского полицейского на улице Налевки, 9. Это было уголовное дело. Немцы разрешили польской полиции функционировать, получившей прозвище – "голубая полиция", и она служила немцам верой и правдой. После убийства поляка-полицейского, было арестовано 53 еврея, проживавших в этом доме, и от "юденрата" потребовали внести в течение двух дней штраф – 300 тысяч злотых в качестве условия освобождения арестованных. В случае неуплаты штрафа арестованные будут расстреляны. Сумма была нешуточной, "юденрат" объявил сбор денег среди евреев Варшавы. Штраф был оплачен. И, несмотря на это, все евреи, находившиеся под арестом, были расстреляны. Это был первый большой расстрел евреев. Он вызвал невероятное потрясение в еврейской среде.

1 декабря вышел приказ: все евреи, от 12 лет и старше, должны носить на правой руке белую повязку с изображением синего щита Давида – "магендавида" – на белом фоне. Этот знак должен был облегчить немцам – отличать евреев среди толпы на улицах, унижать их и издеваться над ними. Мама приготовила белые повязки для всех членов семьи, и я нарисовал на них знак "магендавида", как было постановлено немцами: каждая сторона шестиконечной звезды – не менее 3 сантиметров длиной и одного сантиметра шириной.

Идя по улице с этой повязкой на руке, я испытывал одновременно гордость и унижение. Я гордился синим "магендавидом", символом, с которым солидаризировался. Я ведь получил сионистское воспитание, учился в ивритских школах – "Явне", "Тарбут", "Тахахмони", и за несколько месяцев перед войной вступил в "сионистское движение". Шагая по улицам Варшавы первого декабря, я убеждал себя, что мне следует носить этот знак на руке с гордостью. Но тот факт, что эту повязку я был вынужден надеть по приказу нацистских оккупантов, унижал меня. Я был уверен, что все, надевшие впервые эту повязку, чувствовали то же самое, что и я. На одной из улиц я наткнулся на ватагу молодых поляков, которые высмеивали евреев с повязками и кричали "Жида, отправляйтесь в Палестину!" Дружба и сплоченность между евреями и поляками в период осады исчезли в первые месяцы германской оккупации. Вспышки антисемитизма среди поляков, избиение евреев, грабеж их имущества, доносы на евреев, стали каждодневной реальностью. И все же следует сказать, что было немало поляков, которые выражали поддержку евреям и реально им помогали. Но большинство польского населения оставалось равнодушным или враждебным к евреям. Издевательства, унижения, грабеж имущества, захват на улицах, избиение и убийства евреев, стали неотъемлемой частью каждодневной реальности евреев под германской оккупацией.

В первые же недели оккупации евреи начали покидать Варшаву и другие области, и двигаться в сторону восточных земель, аннексированных СССР. Граница между районами под властью Советского Союза и районами, оккупированными нацистами, не была закрыта герметически. Также происходил обмен территориями между сторонами. В первый период переход не был относительно трудным. Десятки тысяч евреев, главным образом, молодых, значительной частью выходцев из восточных польских земель, имеющих там родных, использовали возможность, и перешли в эти земли. Число евреев, пересекших границу законно и незаконно, насчитывало 300 тысяч человек. И все же многие не использовали эту возможность из-за трудностей дороги и опасностей, поджидавших евреев, и, главным образом, из-за крепких семейных связей, столь характерных для еврейства Польши. Не меньшую роль играла привязанность к месту проживания, необходимость оставить все имущество, финансовые трудности на советской территории, и требования властей, вынуждающих беженцев оставлять пограничные территории, и передвигаться в глубину СССР. Евреи, оставшиеся под властью нацистов, еще не знали, что им готовит грядущий день, и даже представить себе не могли в самом страшном сне,

что их ждет массовое уничтожение, которое началось спустя два года. В тот первоначальный период германской оккупации обладатели виз в нейтральные страны получали разрешение на выезд. Из Варшавы небольшое число семей евреев, обладателей сертификатов, выехал в страну Израиля.

Мои родители решили, что моя шестнадцатилетняя сестра Рахиль уедет в город Свинцян, находящийся в зоне советской власти, и она покинула Варшаву в конце октября. Мы не знали, как она проехала и прибыла ли благополучно на место. Мы очень беспокоились, несмотря на то, что границу свободно пересекали: много опасностей поджидало в пути, особенно молодую девушку. Спустя месяц она вернулась. Рахиль рассказывала о спокойной жизни в Свинцяне, о хорошем отношении советских властей к евреям, о том, что многие из жителей города получили высокие должности в местном городском управлении, должности, доступ к которым евреям при польской власти был заказан. Она привезла приветы от всех родственников, которые просили нас вернуться в Свинцян.

В это время прибыла в Варшаву советская делегация, занимающаяся возвращением белорусов и украинцев в Советский Союз. Согласно пакту дружбы и пограничному разделу, заключенному между СССР и Германией 28 сентября 1939, могли люди немецкой национальности в СССР перейти в Германию, а белорусы и украинцы, находящиеся в зоне германской оккупации, перейти в СССР. Евреи, чье место рождения было в зоне, занятой советской властью, полагали, что они тоже включены в соглашение об обмене населением. Переходящие в зону советской власти с помощью делегации, имели право брать с собой все свое имущество, и условия перехода были более легкими. Мой отец полагал, что мы, уроженцы города Свинцян, который был присоединен к западной Белоруссии, сможем туда вернуться в рамках этого соглашения об обмене населением.

Шли недели, но так и не было ясно, включены ли евреи в соглашение. В начале декабря граница между советскими и германскими территориями Польши была закрыта. В советскую зону можно было попасть лишь незаконным путем: тайно пересечь границу. Польские контрабандисты и еврейские посредники занимались этим делом за немалые деньги. Отец решил, что я и моя сестра пересечем границу и доберемся до Свинцяна, а он с матерью будут ждать, пока прояснится ситуация с обменом населения. По наводке еврея отец связался с двумя проводниками, которые обязались за 250 злотых провести нас обоих до первой железнодорожной станции в советской зоне.

Расставание с родителями было тяжким. Мама с трудом сдерживала слезы. Я тоже старался не плакать. Отец успокаивал нас, что очень скоро мы все увидимся в Свинцяне. Поцелуи, последние жесты прощания, машем друг другу руками, и расстаемся. Утро 24 декабря 1939.

В канун Рождества я последний раз в жизни видел родителей.

Польский проводник довел нас до железнодорожной станции вместе с еще одной парой евреев и их пятнадцатилетним сыном. По плану мы должны были доехать на поезде близко к границе, и пересечь ее на санях. Перед вокзалом в Варшаве мы сняли повязки. Евреям, пойманным без повязки, полагалось серьезное наказание, но поездка в поезде с повязкой тоже была опасной. На станции германские патрули время от времени проверяли пассажиров. Поездка до станции Шидлец, расположенной вблизи границы, заняла несколько часов. Прибыли мы туда до полудня. На станции нас ожидал крестьянин, один из проводников, на санях. Мы продолжили путь боковыми проселочными дорогами до села на самой границе. Дорога была заснежена, стоял мороз. Время от времени мы соскакивали с саней и бежали рядом, чтобы согреться. Мы наткнулись на германский конный патруль, которые остановили нас и стали расспрашивать, куда мы едем. Мы объяснили по-польски, что мы из городка под Варшавой, дом наш разрушен в дни войны, и мы едем к родственникам в смежное с дорогой село. Нам разрешили продолжать путь. К вечеру мы добрались до маленького села, в четырех километ-

рах от границы по реке Буг. Нам приказали оставить чемоданы и рюкзаки на сеновале, и мы зашли в дом проводника – согреться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.